

Проработав весь день, к вечеру Чжун Цзыци снова достал купленную большую кость и поставил её вариться — наваристый бульон медленно доходил до нужной густоты. Когда всё было готово, он перелил его в приобретённый глиняный кувшин, а если становилось слишком поздно, просто оставлял в котле — чтобы утром разлить по мискам.

Ночью луна тихо выползла за верхушки деревьев, и её серебристый свет мягко укутал землю, придавая всему вокруг зыбкую, почти интимную неясность.

Чжун Цзыци лежал в постели, не в силах уснуть. Рядом Чжао Чжэнъянь уже давно спал, обняв его, и даже тихо посапывал, едва не пуская слюну. Впервые Цзыци поймал себя на том, что завидует людям с простым складом ума — им не приходится терзаться бесконечными тревогами. Он не мог отрицать: он нервничал. И боялся, что завтра всё может пойти не так.

На самом деле он уже не раз прокручивал всё в голове, тщательно просчитывал каждую мелочь. Цены на пристани в целом были немного выше обычных, но зато и качество там держали на уровне — за такое не жалко заплатить. Люди, по сути, могли себе это позволить. Даже в обычной лапшичной миска лапши стояла три вэнь — а уж на пристани, где мастерство поваров явно превосходило уличных торговцев, цена казалась вполне оправданной.

Цзыци решил установить цену за обе свои лапши — по пять вэнь за миску. Для пристани это вовсе не было чем-то из ряда вон: некоторые брали и дороже. Всё-таки это было «золотое место» — сюда стекались либо состоятельные семьи, либо зажиточные купцы из других краёв. Простые люди тоже могли позволить себе такую еду, но те, кто привык экономить, приходили сюда нечасто.

Если мастерство действительно на высоте, со временем появляются постоянные клиенты — а значит, и ежедневный доход становится стабильным. Тем более что некоторые не только едят на месте, но и берут с собой домой. Чжун Цзыци прикинул: с его умением, пусть и не загадывая лишнего, продать десяток мисок лапши в день — вполне реально. Десять мисок — это пятьдесят вэнь. Вычесть ежедневную плату за место — восемь, жалованье Чжао Шэну — десять, да ещё всякие мелкие расходы... всё равно двадцать вэнь чистой прибыли остаётся. А это совсем не мало: на такие деньги можно купить четыре цзиня риса и муки, да ещё и позволить себе несколько цзиней мяса.

Обычным семьям и того не заработать за день — пусть у них и есть поля или подработки. Но для Цзыци и это было более чем достаточно. У него не было больших амбиций — даже такие простые вещи могли радовать его очень долго.

Переворачиваясь с боку на бок, он и сам не заметил, когда наконец уснул. Проснулся же от протяжного крика деревенских петухов — «кукареку», — и увидел, что за окном уже проступает бледно-серый рассвет.

Он осторожно снял с талии обвившую его руку, бодро поднялся, оделся, умылся. Зажёл масляную лампу и отправился на кухню — перелил настоявшийся за ночь костный бульон в глиняный кувшин, оставив немного в котле. Затем открыл мешок с мукой, зачерпнул две миски, замесил тесто и раскатал лапшу. Развёл огонь. Когда бульон закипел, опустил в него лапшу, заодно добавив немного кислых бамбуковых побегов. Вскоре всё было готово.

Чжун Цзыци поставил миски с лапшой на стол, аккуратно разложил палочки и посуду, после чего вернулся в спальню. Он посмотрел на крепко спящего Чжао Чжэнъяня, на мгновение замаялся, но всё же тихонько толкнул его в руку и мягко позвал:

— Чжэнъань... Чжэнъань, проснись.

Тот недовольно приоткрыл глаза, пытаясь понять, кто посмел прервать его сладкий сон. И первое, что он увидел, — аккуратно одетая... жена!

Глаза Чжао Чжэнъаня мгновенно распахнулись.

— Вставай, — сказал Цзыци. — Поедим — и пора отправляться в город.

Чжао Чжэнъань только теперь вспомнил, что его «жена» собирался взять его с собой в город торговать. Он тут же оживился, резко сел на кровати и, будто проверяя, переспросил:

— Жена, мы правда идём продавать?

— Конечно. Поэтому тебе надо пораньше встать, иначе опоздаем.

Услышав это, Чжао Чжэнъань тут же засуетился, торопливо натягивая одежду:

— Я уже встаю, сейчас!

Чжун Цзыци мягко улыбнулся, голос его стал тёплым:

— Не спеши так... ты пуговицы не туда застёгиваешь.

Когда они закончили и сели за стол, с аппетитом принявшись за еду, в дверь тихонько постучали — неуверенно, словно пробуя.

Цзыци подбежал и открыл — на пороге действительно стоял Чжао Шэн.

— Шэн-гэ, ты пришёл. А... — он удивлённо приподнял брови, — Сяо Нин тоже с тобой?

Из-за его спины высунулся Чжао Нин, скорчил забавную рожицу и улыбнулся:

— Я сказал маме, что пойду помогать тебе — и она разрешила! Хе-хе.

Цзыци рассмеялся и пригласил их внутрь:

— Вот и отлично, мне будет легче. Кстати, вы уже ели? Перекусите с нами.

Чжао Нин покачал головой и шумно втянул носом воздух:

— Как вкусно пахнет... я ещё у ворот почувствовал.

— Пришли как раз вовремя. Я только что сварил горячую лапшу на бульоне — попробуйте.

Пока он говорил, они уже вошли в дом. Чжао Чжэнъань всё ещё увлечённо ел, не поднимая головы. Цзыци сбегал на кухню, принёс ещё две пары палочек и мисок, разлил лапшу и подал им.

Для обоих это было в новинку — и сразу стало ясно: это совсем не та костная лапша, что они ели раньше в городе. Вкус был насыщенный, глубокий, а сквозь него проступала лёгкая, освежающая кислинка.

Чжао Нин выловил из миски тонкий ломтик бамбукового побега, отправил в рот — и глаза его

сразу загорелись. Он не ожидал, что именно от него идёт эта приятная кислинка.

С удивлением он спросил:

— А почему бамбук кислый? Ты его... в уксусе вымачивал?

Ведь обычно у них бамбук либо жарили, либо тушили — других способов приготовления он и не знал.

Чжун Цзыци загадочно улыбнулся:

— Особый способ. Не в уксусе. Ну как, вкусно? Как думаете, если я начну это продавать — получится заработать?

Чжао Шэн, не отрываясь от миски, кивнул:

— По-моему, у тебя получается гораздо вкуснее, чем в городе.

— Ага! Точно заработаешь, — с набитым ртом подхватил Чжао Нин. — Я в твоём умении вообще не сомневаюсь.

Он был окончательно покорён — и про себя уже не раз похвалил себя за то, что решил прийти помогать сегодня.

Горячая лапша приятно разлилась по телу, и вскоре все вспотели от тепла. Чжао Шэн закрепил большой глиняный кувшин с бульоном на тележке, аккуратно уложил огурцы, помидоры, бутылочки с приправами и большую вязанку дров. Собравшись, вчетвером они отправились в город.

Тележка оказалась тяжёлой, и по дороге её по очереди толкали Чжао Шэн и Чжао Чжэнъань. Путь в один час вдруг показался куда длиннее, но, к счастью, вышли они рано — когда добрались до пристани, небо только начинало светлеть. И всё же самые расторопные уже начали расставлять свои лавки.

Свернув за угол, Чжун Цзыци повёл всех к дому дядюшки Хуана.

«Тук-Тук»

Он постучал в дверь.

Спустя мгновение изнутри раздался голос гера Хуан:

— Это Цзыци пришёл?

— Да, это я.

Дверь открылась — на ней был лишь наспех накинутый халат.

— Хорошо, что так рано, — сказал он, одобрительно кивнув. — Я тебе говорил: если припозднишься — можно и место упустить.

— Угу, я помню, — послушно ответил Цзыци.

Он перевел взгляд на остальных и с любопытством спросил:

— А это кто с тобой?

— Это мои хорошие друзья, пришли помочь. Его зовут Чжао Шэн, а это его младший брат — Чжао Нин, — представил их Чжун Цзыци.

Чжао Шэн и Чжао Нин вежливо поздоровались:

— Здравствуйте.

Послушных, воспитанных ребят любят все — а уж гер Хуан тем более. Глядя на этих почти взрослых юношей, он не мог сдержать улыбки, но где-то глубоко внутри кольнула тоска — невольно подумалось о собственном сыне и о том, как он там сейчас.

Тем временем Чжао Шэн и Чжао Чжэнъань ловко подкатили тележку к пристани и заняли место — пусть и немного в стороне, где вокруг было не так много других лавок. Уже работавшие торговцы лишь равнодушно скользнули по ним взглядами. А заметив, что перед ними всего лишь четверо молодых парней, и вовсе посмотрели с пренебрежением — такой «соперник» явно не вызывал беспокойства. По их мнению, подобный прилавок долго не протянет и скоро исчезнет сам собой.

Цзыци не обращал на это внимания. Основную часть вещей они уже принесли — оставались только деревянные столы. Он велел Чжао Нину остаться и присмотреть за местом, а сам вместе с Чжао Шэном и Чжао Чжэнъанем вернулся за остальным. Благо до дома Хуан было всего пару минут — можно было не переживать, оставляя Нина одного.

Кроме того, Цзыци хотел договориться насчёт воды. Но стоило ему лишь заикнуться, как гер Хуан тут же махнул рукой:

— Берите сколько нужно. Я дверь оставлю открытой — заходите, когда понадобится.

Цзыци снова горячо его поблагодарил.

Вернувшись на пристань, он поручил Чжао Шэну и Чжао Чжэнъаню носить воду, а сам вместе с Чжао Нином принялся за обустройство. Всего они принесли пять столов: один оставили под приготовление и продукты, остальные четыре расставили квадратом — так, чтобы можно было посадить до шестнадцати человек.

Летнее утро быстро набирало свет — не прошло и много времени, как вокруг стало совсем светло. Пристань ожила: люди сновали туда-сюда, торговцы зазывали покупателей... и острый взгляд Цзыци уже уловил — среди потока начали появляться первые посетители.

Чжун Цзыци поспешил велеть Чжао Нину развести огонь и поставить разогреваться костный бульон, а сам занялся тестом. Нин в готовке был не силен — на кухне от него толку немного, зато помочь по мелочам он мог: подбросить дров, подать приправу, сбегать за чем-нибудь.

— Эй, паренёк, вы новенькие?

Соседнее место у прилавка Цзыци до этого пустовало, и он думал, что там никого нет — оказалось, хозяин просто пришёл позже.

— Да, сегодня первый день, — с улыбкой ответил Цзыци.

Торговец оказался мужчиной лет тридцати-сорока. На его лотке лежала выцветшая, потрёпанная тряпка, на которой криво было выведено: «Пирожки! Много мяса!». Увидев это, Цзыци не сдержался и тихо прыснул:

— Дядюшка, а кто это вам вывеску сделал? Очень... выразительно получилось.

Слова звучали похвально, но интонация явно говорила об обратном.

Однако мужчина ничего не заподозрил — напротив, расплылся в гордой улыбке:

— Мой сын! Ему всего восемь лет. Я его в школу отдал, учитель говорит — смышлёный.

— Да вы что, — тут же подхватил Цзыци, ловко подыгрывая, — по этим иероглифам сразу видно — у вас парень умный. Совсем не похоже на детскую руку.

После этих слов дядюшка будто нашёл родственную душу и разговорился — болтал без умолку, с удовольствием делясь всем подряд.

Цзыци, не отвлекаясь от работы, поддерживал беседу, время от времени вставляя реплики, а Чжао Нин то и дело весело поддакивал. Из разговора выяснилось, что дядюшку зовут Сун, он живёт в деревне Сунцзя — довольно далеко от их деревни Чжао. Он оказался единственным, кто заговорил с Цзыци без тени пренебрежения.

Освоившись, дядюшка Сун даже придвинул свой прилавок поближе к ним и теперь при любой возможности перекидывался словами. Цзыци это только радовало.

Слева от них стоял ещё один прилавок — с выпечкой. Но он находился чуть поодаль. Там торговал молодой амо, который даже не взглянул в их сторону. Опасаясь, что запахи смешаются, он, наоборот, отодвинулся ещё дальше, ясно давая понять: держаться лучше на расстоянии.

Чжао Шэн и Чжао Чжэнъань, натаскав два вёдра воды, уселись на скамью передохнуть. Стоило оглянуться вокруг — и становилось ясно: многие прилавки уже окутаны паром, воздух напоён ароматами еды, а за некоторыми столами сидят первые посетители.

Солнце тем временем уже показалось из-за горизонта, и пристань окончательно проснулась — от утренней тишины не осталось и следа. Всё вокруг наполнилось движением, голосами, жизнью. Здесь располагалось несколько постоянных дворов, но приезжие торговцы редко ели у себя — местные давно знали: на пристани готовят вкуснее и дешевле.

Но лавка Чжун Цзыци стояла в стороне, да и сам он был новичком — неудивительно, что на него пока никто не обращал внимания.

Цзыци оставался спокоен. Он снял крышку с котла, опустил лапшу в кипящий бульон, добавил немного бамбуковых побегов. Затем кивнул Чжао Нину, чтобы тот отдохнул, и, когда всё было готово, разложил лапшу по четырём мискам.

Три из них он поставил на стол:

— Давайте ещё поедим. Утром все мало съели.

На самом деле он просто не рассчитал — приготовил слишком мало, не учёл порции для Чжао Нина и Чжао Шэна. В итоге никто толком не наелся, а после всей утренней суеты голод только усилился.

Поэтому трое не стали церемониться — схватили миски и с аппетитом принялись за еду, шумно втягивая лапшу и согреваясь горячим бульоном.

<http://bllate.org/book/16132/1598803>